

В. Ю. Крюкова

ОСЕЛ/БЫК В ИНДОИРАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Интерполяции между авестийскими текстами иногда могут демонстрировать различие и одновременно связь между той Авестой, которая известна нам в качестве кодифицированного канона, и собственно иранской мифологической и текстуальной традицией, в течение столетий служившей основанием и источником для авестийских текстов и идей. Так, Йасна 42, интерполяция между двумя наиважнейшими авестийскими собраниями на староавестийском языке — литургической Йасной семи глав и Гагами Заратуштры, служит своеобразным обобщением и завершающей глоссой, добавленной к более древней Йасне семи глав при оформлении текста. При этом, как хорошо известно, Йасна семи глав лишь имитирует староавестийский текст, будучи написанной уже на младоавестийском. Суть же обобщения этой небольшой вставки заключается в описании древнеиранской картины мира и ее главных объектов — рыбы (?), животного (осла), растения (Хаомы), вод мирового океана. Подобная, но детально разработанная картина известна нам по среднеперсидским сочинениям *Бундахишн* и *Меног и храд*. Примечательно, что описание *Бундахишна* не только содержит некоторые особенные детали (отсутствующие в Авесте), но и достаточно близко совпадает с ригведийским текстом (Ригведа IV.58), который, впрочем, имеет дело не с трехногим ослом, а с трехногим быком. Помимо совпадения мифологических образов этот случай свидетельствует о важности передачи традиции за рамками авестийского канона, существенную роль в которой играла традиционная иранская культура как часть культуры индоиранской.

Содержание Йасны 42 сводится к списку объектов природы и созданий Святого духа, достойных поклонения. Наиболее яркий персонаж среди них — единожды упомянутый в Авесте мифический осел (авест. *xara-*), стоящий в центре мирового океана, а также рыба (авест. *vāstī-pancā.sadvarā-*) и священное растение Хаома:

- 42.4 Мы поклоняемся *vāsī-*, что *pancā.sadvarā-*,
 Мы поклоняемся ослу, который праведный, который стоит в центре
 моря Воурукаша,
 Мы поклоняемся морю Воурукаша.
- 42.5 Мы поклоняемся золотистому и высокому Хаомае...

Интерпретация *vāsī- pancā.sadvarā-* как рыбы основывают на среднеперсидском описании картины мира, где явственно присутствует рыба (Кар), и, в сущности, является не вполне установленной. Однако в авестийских текстах имеется другая мифическая рыба — *karō masiīō urāpō*, характер и контекст упоминания которой может прояснить общую картину. Эта рыба Кара упомянута дважды — в Йаште 14.29 (где о ней сообщается как о живущей в глубинах реки Ранghi и имеющей очень острое зрение), и в Видевдате 19.42:

karō masiīō urāpō būne jafranqm wairiianqm «Кара, рыба, которая живет рядом с водой (или: «в воде»)»¹ (*urāpa-*) на дне глубинных вод».

«Дно глубинных вод» (*būne jafranqm wairiianqm*) упомянуто также в Йаште 19.51, и, возможно, пассаж Видевдата 19.42 даже является цитатой из Йашта 19.51. Последний, в свою очередь, служит описанием попытки Апам Напата схватить Хварно из моря Воурукаша:

Этого Хварену принесло
 К морю Вору-каша,
 Где его тут же схватил
 Апам Напат быстроконный,
 и хочет Апам Напат быстроконный:
 этого Хварену схватить бы недостижимого,
 со дна моря глубокого,
 на дне глубинных вод (*būne jafranqm wairiianqm*).

¹ Эпитет *urāpa-* в Авесте соотносится с классом существ, живущих рядом с водой, но, вопреки всем известным мне переводам, не в воде, поскольку все они, за исключением рыбы Кара, не исключительно водные создания, а, скорее, полуводные — выдра, бобр, жаба и амбивалентные Апам Напат и Гандарва, которые связаны не только с водой, но и с небесами и солнечным светом.

Таким образом, хотя Видевдат 19.42 и не поясняет место, где живет рыба Кара, контекст подсказывает нам, что это может быть море Воурукаша.

Значение авестийского (а также среднеперсидского) *kara-* (*kar*) является не вполне ясным. А в составленном уже на новоперсидском языке ривайате Шапура Бхаручи мы находим народную этимологию, связывающую рыбу Кар с ослом (*xar*). Картина, представленная ривайатом, близка описанию *Бундахишна* и *Меног и храд* (речь об этих текстах пойдет ниже), но в ней смешиваются образы рыбы (*kar*) и осла (*khar*):

«The Creator Ohrmazd has created the *Hom* tree in the midst of the ocean *Zareh Varkash* and created the *Khar* fish [в бундахишне рыба *kar*] for protecting that tree. This *khar*-fish is so great as no other fish is greater than it. This fish is like an ass and hence it is called *khar mâhi* (*lit.*, ass-like fish). This fish revolves round the *Hom*-tree. The filthy *Ahriman* has produced several thousand noxious creatures for the destruction of that *Hom*-tree, but the noxious creatures cannot pass before that tree on account of the fear for that *khar*-fish.

Secondly, when that *khar*-fish utters a cry, every *Ohrmazdian* fish which hears the cry becomes pregnant and the other fish which are *Ahrimanian* and are noxious creatures cast their young on account of the utterance of that cry of the *khar*-fish. The Creator *Ohrmazd* has given such magnificance to that fish» [Rivayats 1998–2000]².

Это смешение *kar/xar* начинается по крайней мере в среднеперсидском тексте *Меног и храд*. Если в авестийском *Йаште* 14.29 рыба Кара имеет очень острое зрение, то в *Меног и храд* эта способность принадлежит трехногому ослу, который очищает воду и все творения своим взглядом.

Также примечательно, что альтернативным именем рыбы Кар в *Бундахишне* служит *arz*. Новоперсидское соответствие среднеперсидскому *arz* — *arj* («носорог») — отсылает нас к мифическому существу, также имеющему один рог — трехногому ослу среднеперсидских текстов (см.: [Panaino 2001]). В свою очередь, глоссарий

² The Persian Rivayats. Electronic edition prepared 1998–2000 by J.H. Peterson. <avesta.org/rivayats/rivayat1.htm#chap93>.

Бихара к *Бундахишну* поясняет *arz* как рыбу *xarmahi* («осел-рыба», а именно — рыба Кар), повторяя неверную интерпретацию [Боголюбов 1969: 92] и демонстрируя, насколько близко в тексте и сознании авторов были Кар и *xar* («осел»).

Выдающийся русский иранист М.Н. Боголюбов полагал, что авест. *kara-* может означать просто «большой», а *karō masiīō* соответственно «большая рыба». В своей статье Боголюбов приводит список иранских слов, начинающихся с *kar^o/xar^o*, например *sang* ‘камень’, *xarsang* ‘большой камень’, *mūš* ‘мышь’, *xarmūš* ‘большая мышь, крыса’ и т.д. Он полагает, что большинство этих слов не имеет семантической связи с иранским *xar* («осел»), а *kar^o/xar^o* означает «большой», и ситуация могла быть такой же уже в авестийском языке [Боголюбов 1969: 92–93]. Тем не менее в иранских языках есть несколько слов, которые в «позиции префиксальных морфем теряют свое номинативное значение и приобретают категориальное значение аугментативности, величины, значимости» [Пейсииков 2009: 117], а именно — *xar*, *gāv*, *šāh*.

Что касается авестийского слова *masiia* («рыба»), оно имеет и семантическую связь с *xara-* («осел»): оба создания образуют пару, состоящую из водного существа и рогатого копытного, подобно ведийским Ахи Будхня и Аджа Екапад. Первый из ведийских персонажей, подобно рыбе Кара, находится на дне вод, второй, как и трехногий осел-единорог *Бундахишина* и *Меног и храд*, копытное животное с непарным членом тела, единственной ногой³.

Таким образом, не может ли авест. *kara-* быть связано с *xara-*? Альтерация *k/x* является в иранских языках обычной [Стеблин-Каменский 1999: 26], и помимо многочисленных слов с *kar^o/xar^o* в иранских языках имеются также соответствия вариантов, в персидском: *xarmūš* ‘большая мышь’, ‘крыса’ — *karmūš* ‘мускусная крыса’, ‘летучая мышь’, ‘землеройка’, в ваханском: *xur* ‘осел’) — *kark* ‘мокрица’, которая, возможно, понимается как «маленький ослик» [Стеблин-Каменский 1999: 226]⁴, пашто *xar* ‘осел’ — *karkay* ‘осел’. Поэтому ситуация может быть более сложной, поскольку мы

³ Выражаю благодарность С.С. Тавастшерна, предположившему, что авест. *kara masiia*, среднеперс. *xarmahi* могут быть связаны с индийским *takara* — фантастическим животным (Козерог в зодиаке) позднего и неясного происхождения.

⁴ Стеблин-Каменский возводит *kark* с вопросом к древнеиранскому **karaka-*? [Стеблин-Каменский 1999: 226].

имеем семантически близкие, но не идентичные основы, которые могут восходить к двум различным основам (*kara-* и **karaka-?* или *kara-/xara-* и **karaka-?*) или к единой с альтерацией (*kara-/xara?*).

В сохранившихся авестийских текстах рыба *kara-* и осел *xara* вопреки ожиданиям никогда не упоминаются вместе, таким образом (правда, лишь сугубо теоретически), *kara-* могло бы означать «осел» в паре *karō* плюс *masiō upāpō*: например, «осел и рыба *upāpa-* (“приводная”))», или «рыба *upāpa-* (“приводная”), связанная с ослом».

Подводя некоторые итоги, посмотрим, как же описывается в Авесте картина мира.

Единственный текст, излагающий ее более или менее цельно, — это Йасна 42 с морем Воурукаша, рыбой (?), ослом *xara-* и священным растением Хаома. Его дополняют два близких упоминания о рыбе Кара или рыбе и осле в Йаште 14.29 и Видевдате 19.42. Во всяком случае, необходимо отметить, что описания Авесты очень лаконичны и не приводят никаких деталей о том, каким мыслится осел.

Абсолютно иную в своей яркости картину демонстрирует нам среднеперсидские сочинения *Бундахшин* и *Меног и храд*. Оба текста хорошо известны и были подвергнуты сравнению и детальному анализу в статье Антонио Панаино, посвященной «иранскому единорогу» (трехногому ослу с единственным рогом) [Panaino 2001]. Среднеперсидские источники раскрывают детали, связанные с рыбой Кар (*Бундахшин* насчитывает их 10) и деревом всех семян Гокирн (священным растением Хаомой), находящимися посреди мирового океана, моря Фрахвкард (авест. Воурукаша). Наиболее примечательным персонажем оказывается трехногий осел (*xar ī sē pāy*):

«*xar ī sē pāy* <...> stands in the middle of the Sea Fraxwkard and has three feet, six eyes, nine testicles, 152 two ears, one horn, a dark-blue head, white body, and spiritual food, (and he is) holy <...> [15] That one horn is as it were golden and hollow (or “that horn is golden like a trumpet [i.e., a horn]) <...> by means of that horn it destroys and shatters all that worst pest of the fighting xrafstars. [16] When that Ass takes a round in the sea (and) bends its ears, all the waters of the Sea Fraxwkard furiously tremble, (and) (its) sides and centre are in turmoil. 155 [17] When it brays, all the Ohrmazdean female water-creatures become pregnant, and all the pregnant xrafstars of the water, when they hear that bray, cast as corpses (their young). [18] When it stales

in the sea, all the water of the seas — which is in the seven Kišwars of the earth — becomes purified. For this reason all the asses, when they see water, they stale in it»⁵.

Как уже упоминалось, тексты *Бундахишна* и *Меног и храд* многократно обсуждались. Очевидно, что они содержат гораздо более подробное и разработанное изложение древнеиранской картины мира, чем авестийские описания. Они могут показаться разъяснением авестийского текста или даже его дальнейшей разработкой. Но не был ли указанный мотив сохранен за пределами текстуальной традиции?

Следует отметить, что мифические трехногие ослы известны в дардской традиции. К. Йеттмар сообщает, что в селениях брокпа в Балтистане ему приходилось слышать о грандиозных деяниях дайялов (шаманов), величайшим из которых был дайял Али Бег из Сатпура: «Пери совершили над ним обряд посвящения: семь пери увезли его из дома на трехногом осле и доставили в молочную долину, где в лагере из голубых палаток жил их “народ” — мужчины и женщины. Там разрезали его тело на куски, мясо и кости бросили в пруд, наполненный молоком, и там вымыли <...> Он услышал приказ встать и ожил <...> С этих пор семь пери оказались у него в подчинении, а трехногий осел служил его душе верховым животным во время транса» [Йеттмар 1986: 292–293].

Йеттмар не приводит слова на брокпа для обозначения трехногого осла, но собственно «осел» засвидетельствован на языке брокскад как *khər*, *xər* [Shama 1990: 19, 160], на кохистани как *xár* (G, J), *xàr* (B) [Zoller 2005: 131], на дамели как *khár* [Дыбо 2011: 163] и подобным же образом на других языках региона, например на прасун как *khər* [Shama 1990: 19].

Тот факт, что трехногий осел засвидетельствован в дардской культуре, имеет особый интерес в отношении прослеживания мотива и истории его распространения в Центральной Азии, Иране и Индии в глубочайшей древности, особенно в свете недавно предложенного А. Лубоцким и М. Витцелем понимания *xara-* как слова доарийского (не индоиранского) происхождения. Эти языковые све-

⁵ Перевод этой части *Бундахишна* опубликован А. Панаино [Panaino 2001: 166]. Ср.: [Чунакова 1997: 290–291].

дения дополняются археологическими открытиями, относящимися к так называемому Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (эпоха бронзы), изобилующему погребениями ослов, в том числе явно ритуального характера.

Роль трехногого, передающего идею трехчастной конструкции мира животного, которое стоит в центре мирового океана и всего мира, очевидна. Трехногий осел иранских текстов символизирует первую жертву, трехчастность мира и прочее, особенно в паре с рыбой, означающей водный элемент. Поэтому неудивительно, что трехногий осел оказывается верховым животным шамана, совершающего путешествие в потусторонний мир, или что трехчастная колесница ведийских Ашвинов запряжена ослами. Но наиболее поразительным примером сохранения и передачи традиции, общей для иранского и индийского круга, служит ситуация, когда ведийский гимн (Ригведа IV. 58) обнаруживает идеи и персонажей, очень близких даже не к соотносимому по времени памятнику, Авесте, а к среднеперсидским текстам.

В отличие от ведийских гимнов, основной темой которых является жертвоприношение, описываемое в яркой поэтической манере, авестийская *Йасна* 42 предлагает скорее список объектов, и тот факт, что картина мира соотносится с жертвоприношением, остается в тени. Сходное положение наблюдается и в среднеперсидских сочинениях, например в *Бундахшине*, где акцент сделан на водной природе трехногого осла, а его роль жертвы снова не выражена (хотя иранцы, согласно Страбону, действительно совершали жертвоприношения ослов [Potts 2006: 103–115])⁶.

Что касается Ригведы, контекст гимна IV. 58 очень близок среднеперсидским описаниям, но древнеиндийский памятник упоминает не трехногого осла, а трехногого быка *gaurá* (слово с первоначальным значением «красный, коричневый» в Ригведе обычно понимается как «бык», см.: [Parpola 2010: 451]). Трехногий *gaurá* также стоит среди мировых вод, изображенных как жертвенное масло (*ghrita*), вместе с Сомой (аналог иранского Хаомы), представленным золотым прутком (согласно комментарию Гельднера). Помимо «золотистого Хаомы» этот факт напоминает нам и золотой рог трехногого

⁶ О памирском новогоднем обряде, в котором участвует осел см.: [Крюкова 2012].

осла *Бундахишна*. Как особенная деталь, может быть назван крик *gaurá* (соотносимый с криком иранского трехногого осла), а также потоки, напоминающие о потоках вод иранского текста:

1. Медовая волна поднялась из океана.
С сомой она приобрела свойства амриты
Что есть тайное имя жира:
Язык богов, пуп бессмертия.

2. Мы хотим провозгласить имя жира (*ghṛta*).
На этом жертвоприношении мы хотим удержать его поклонениями.
Пусть прислушивается брахман, когда оно произносится.
Четырехрогий бык-гаура (*gaurá*) изверг его из себя.

3. Четыре рога, три ноги у него,
Две головы, семь рук у него,
Громко ревет бык (*vṛṣab^há-*), трижды связанный.
Великий бог вошел в бессмертных.

<...>

5. Эти потоки жира текут из сердца-океана,
Окруженные сотней оград. Они не для того, чтобы их разглядел
обманщик.

Я внимательно рассматриваю потоки жира.
Посреди них золотой прут.

<...>

11. На тебя как на основу опирается все мироздание
В океане — сердце, в силе жизни.
Пусть достигнем мы той твоей медовой волны,
Что принесена на слияние (с водами) на поверхность вод!
(Пер. Т.Я. Елизаренковой) [Ригведа 1989: 421–422].

Имеются по крайней мере еще два пассажи Ригведы из числа «загадок» (Ригведа I. 164, 41–42), контекст которых представляется сопоставимым (за исключением вод, упомянутых вместо масла, но

воды возвращают нас к иранским реалиям) с Ригведой IV. 58. Здесь мы снова находим упоминание *gaurí* (f. от *gaurá*), а не какой-либо иной разновидности животного:

41. Буйволица замычала, создавая потоки воды,
Став одноногой, двуногой, четырехногой,
Восьминогой, девятиногой,
Тысячесложной на высшем небе.

42. Из нее моря вытекают.
Этим живут все четыре стороны света.
Оттуда вытекает непреходящее.
Им живет все.
(Пер. Т.Я. Елизаренковой) [Ригведа 1989: 204].

Загадка посвящена божественной Речи, но одновременно она повествует об облаках и дожде, небесных водах, а также о жертвоприношении и картине мира с жертвенным животным в центре мирового океана. Примечательно, что иранский трехногий осел в *Бундахушне* также связан, как спутник божества Тиштрии, с небесными водами. В целом основные данные ведийских и среднеперсидских источников совпадают: в центре мирового океана стоит фантастическое копытное животное, там же находится золотое ритуальное растение (древо мира). Отличительными чертами животного служат три ноги, ненормальное число других членов, а также громкий крик, обладающий магическим эффектом. Дополнительными чертами — единственный золотой рог и рыба, олицетворяющая водную стихию.

Можем ли мы предположить, что некогда иранское и индийское фантастическое трехногое копытное животное было одним и тем же творением? В любом случае, наличие ригведийского и среднеперсидского вариантов мотива показывает, что передача традиции существовала за пределами известного нам авестийского канона, и, возможно, традиционная иранская культура (как часть индоиранской) и не дошедшие до нас авестийские тексты могли служить дополнительными источниками для интерполяций и поздних текстов.

Библиография

Боголюбов М.Н. Персидские слова с *kar*^o и *har*^o и рыба Кага в Авесте // Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А.Н. Болдырева. М., 1969. С. 91–93.

Дыбо В.А. Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии // Лексика, этимология, языковые контакты. К юбилею д-ра филол. наук, проф. Джой Иосифовны Эдельман. М.: Тезаурус; Институт языкознания РАН, 2011. С. 92–167.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша: Пер. с нем.: Наука, М., 1986.

Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка. 2-е изд. М.: Либроком, 2009.

Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.

Rapaino A. Between Mesopotamia and India. Some Remarks about the Unicorn Cycle in Iran // Melammu Symposia II. Mythology and Mythologies: Methodological Approaches to Intercultural Influences. Proceedings of the Second Annual Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project. Held in Paris, France, October 4–7, 1999 / Ed. by R.M. Whiting. Helsinki, 2001. P. 141–179.

Parpola A., Janhunen J. On the Asiatic wild asses (*Equus hemionus* & *Equus kiang*) and their vernacular names // На пути открытия цивилизации. Сборник ст. к 80-летию В.И. Сарияниди / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб.: Алетейя, 2010. С. 423–466. (Труды Маргианской археологической экспедиции).

Potts A. An ass for Ares // Bulletin of the Asia Institute 16, 2006. P. 103–115.

Rivayats 1998–2000 — The Persian Rivayats. Electronic edition prepared 1998–2000 by J.H. Peterson. <<http://avesta.org/rivayats/rivayat1.htm#chap93>>.

Sharma D.D. Tribal languages of Ladakh. I. A concise grammar and dictionary of Brok-shad. New Delhi: Mittal Publications, 1990.

Zoller C. P. A Grammar and dictionary of Indus Kohistani // Trends in Linguistics. Documentation; 21-1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.